

Галя ведьма

*История из серии «Записки
ветеринара»*

Евгения Хамуляк

18+

Евгения Ивановна Хамуляк

Галя ведьма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63461312

SelfPub; 2020

Аннотация

Майя Плисецкая – главная героиня своего романа, который копится историями, рассказанными ей клиентами ее пациентов. Майя Плисецкая – однофамилица великой балерины, но на этом все совпадения заканчиваются, потому что девушка работает ветеринаром в провинциальном городке. Но прочитав ее истории, вы удивитесь какой насыщенной и прекрасной жизнью живут горожане и их питомцы, полной любовных перепетий, трагедий и комедий, достойных быть переложенными на бумагу, которая никогда не горит. Предполагается сто восемь историй до того момента, когда Майя Плисецкая наконец находит свою большую любовь.

Евгения Хамуляк

Галя ведьма

Лариса – женщина пятидесяти лет, маленькая и пухленькая, вылитый Винни Пух с виду, и юркая и визгливая, как Пятачок, внутри... (ей, собственно, такие прозвища давались у нас в клинике врачами и персоналом в зависимости от настроения самой посетительницы) ...влетела со слезами в мой кабинет мимо очереди, которая раскапризничалась возгласами о несправедливости, увидев такое форменное хамство, но тут же успокоилась, когда Лариса-Пятачок подала голос, объясняя, что собака практически дышит на ладан и идут последние минуты ее жизни. При этом Галя, жирная такса в руках у хозяйки, подавать признаки смерти никаким боком и ухом не собиралась. В толпе про это тоже засудачили, заметив.

– Вы не ветеринары! – успокоила их Лариса и ворвалась в кабинет, открыв дверь локтем и ногой на высоком каблуке, так как руки были заняты собакой. Толпа, недобро посматрив на хозяйку полуумирающей, в основном от ожирения, таксы, пожелала ей «удачи» в душе и «светлого» будущего.

– Майечка, – чуть не в голос зарыдала Лариса, и я, честно говоря, подумала, что придется отпаивать ее припасенным валидолом. Такое часто случалось с хозяевами умирающих животных, которым те стали роднее родственников, или, вот

как для Ларисы, детьми после выросших детей.

И я уж привстала и потянулась к шкафу, как маленькая Лариса одним хуком усадила меня назад.

– Не надо! – посмотрела она на меня выпуклыми и опухшими глазами. А я еще раз удивилась исключению из правил, как в данном случае Галя внешне совсем не походила на свою приемную человеческую маму, если, конечно, не знать характера обеих. А характер у Гали был гадский, как и положено всем таксам за редким исключением. В моей практике исключений я пока не встречала. Надо было быть полным сумасшедшим, чтоб завести дома прирожденную охотницу и убийцу, мстительную и невероятно хитрую, помнящую все и вся до самой смерти, особенно, где закопала вкусняшку.

– Точнее надо, но потом, – наконец набрала воздуха в большую грудь, уходящую вверх сразу в шею и вниз сразу в ноги, Лариса, желая излить «ужасную историю», случившуюся, судя по всему, только что или совсем недавно. Еще тлели воспоминания на лице и языке потерпевшей... или виновницы?

– Я ее хочу убить. Да, усыпить! – скорбно подтвердила Лариса и траурно закатила глаза. – Эта сука! Эта тварь! – я, наконец, стала узнавать Пятачка-Ларису, долго заигравшуюся в милого Винни Пуха, – укусила бабушку! Представьте, Майя?! – сопрано завизжала хозяйка, но уже не со мною, а с потупившей взор Галей. – Бабушку семидесяти лет! – по буквам Лариса проговорила возраст потерпевшей. – Мы

шли. Гуляли. Никого трогали. Мы так шесть лет гуляем по той дороге, – комментировала женщина на высоких тонах и взъерошивала свои редкие волосы, чтоб, видимо, подстегнуть в памяти детали покушения. – Но никогда этой бабули не видывали. Сидела она что ль парализованная эти шесть лет? А тут на тебе, как подснежник, повылазила! – досталось и бабуле. Задней мыслью вдруг подумалось, а как же разбирают по косточкам мою персону вне стен кабинета?

– Ну короче. Идем гуляем, никого не трогаем. Я и Галя на одной стороне дороги. Бабуля семидесяти лет на другой. Вдруг эта коза, – Лариса посмотрела в упор на таксу, – разгоняется и, как натовский бомбардировщик на Вьетнам, летит на ту самую бабулю. – Лариса, будто в первый раз увидев свое животное, развернула его и лицом в морду посмотрела так, что Галя заморгала и вжала длинную шею в туловище. – Ты в своем уме!? – спрашивала Лариса очумевшую от страха таксу. – Я еще понимаю мужик, алкаш какой-нибудь шел бы или там парень-наркоман. На худой конец, какая-то баба с сумками, где сосиски лежат. Но тут бабуля! Понимаешь, простая ба-бу-ля! – Лариса показала Гале пухлый кулак, где были зажаты и зимние раки, и сладкая жизнь Гали, а также различные человеческие и заодно нечеловеческие органы в неприличных положениях и краткая версия тюремного словаря. Галя поняла, что запахло жареным.

– Усыпите эту суку! – попросила Лариса и пухлым пальцем с багряным ногтем в блестяшках указала, кого надо

усыплять. Почему, теперь стало ясно.

Я стала уговаривать хозяйку одуматься, подождать, переговорить с бабулей, переговорить с кинологом, в крайнем случае, поводить Галю пару недель в ошейнике и наморднике.

– Милая Майечка, вы знаете, откуда я приехала вместе с этой сукой? – спросила безвопросительно Лариса. – Из скорой. Потом из приемного покоя после общения с врачом, хирургом и травматологом. Слава высшим силам, – и Лариса закатила глаза к потолку, – у бабули крепкое здоровье, а у этой суки мелкие зубы.

Я поняла, что слово сука будет произноситься Ларисой через слово, поэтому просто сразу себя уговорила не раздражаться, понимая, что хозяйка в аффекте.

– Безусловно, бабуле при свидетелях были выданы «больничные» на йод и пластыри. У меня с собой пятитысячная была. И я счастлива, что счастливая бабуля не будет подавать на нас в суд. На нас! Но дело не в этом. А в том, что будь я на месте бабули, я б эту суку своими собственными руками придушила. И я бабуле предлагала, совала в руки, разрешая переломить хребет этой... Но она, видите ли, любит животных. А я их тоже люблю... – вдруг сказала женщина и стала заливаться слезами, – но если б мою мать, которой тоже семьдесят лет, укусила какая-то шавка на дороге... – она не договорила, губа задрожала, глаз задергался.

Я пошла за валидолом. Лариса кивнула, мол, да, самое

время. Стресс улегся, соленая водичка нашла-таки лазейку.

– И я пообещала той бабке, что прибыю суку. Не должна жить тварь, покусившаяся на жизнь человека. Какая бы тварь хорошая ни была, – ультимативно выдала вердикт Лариса. – Мы вас пятнадцать тысяч лет тренируем. Всех кусачих, свирепых, тупых, непослушных под нож, чтоб из вас друг человека получился. А ты кусаешься... после пятнадцати тысяч лет работы. Да еще бабулю, пожилого человека, чью-то маму и бабушку.

Она с убитым горем видом и в то же время решительно протянула мне собаку и попросила чек на усыпление. И рукой остановила мой словесный поток. Так как решение было принято окончательно и бесповоротно.

Я с Галей на руках дала ей талончик на оплату, и когда Лариса вышла, внимательно посмотрела на хитрую убийцу бабуль, которая ничего не понимала, как и я, но в глазах стоял дикий страх.

Плана никакого не было. Во-первых, я не любила такс. Во-вторых, я знала Галю с пеленок, что называется, и недолюбливала конкретно Галю, которая прикусывала и порывивала и гадила за эти шесть лет, не думая о последствиях, например, вот таком повороте дел.

И вообще мне не нравилось имя Галя, а уж назвать так собаку было полным абсурдом: продолговатое горчичного оттенка ушастое существо с длинным везде снующим носом и очень сознательными глазами по имени Галя. Бред собачий!

В-третьих, это противоречило моим правилам, брать работу домой. А каждый второй случай того просил и даже требовал. Поэтому годами выработанное кредо хоть и давало иногда сбои, но... в общем, я старалась не брать.

В-четвертых, я знала, что у Ларисы сейчас трудный период в жизни. Два сына женились и буквально в начале года съехали из огромного прекрасного дома, где родились и выросли, и с тех пор редко посещали мать, потому что невестки не полюбили свекровь с первого взгляда. И понятно почему. Поэтому не желали видеться, а уж тем более стоять за одной плитой с ревливой и капризной «второй мамой». Собака являлась причиной, точнее следствием, всех этих нервозностей.

Но и убивать здоровую таксу, хоть и покусившуюся на голень старушки, у меня не поднималась рука. Будь она больной или старой, то конечно. Но эти живые, молящие о пощаде глаза оправдывали нелепый поступок, продиктованный неизвестным инстинктом.

Решения не было... И тогда я воспользовалась советом, самой себе данным когда-то давным-давно: не знаешь, что делать, ничего не делай.

Я посадила таксу в клетку, насыпала вкусняшек, а после рабочего дня просто потащила ее под мышкой, как куль, домой. Благо это была карликовая сука.

Оставлять ее в лечебнице являлось дорогой забавой, ведь теперь содержание Гали упало на мой кошелек, во-вторых,

это была домашняя собака от кончика носа до другого кончика длинного упругого хвоста. Мог случиться стресс, и тогда б точно Галя бросалась не только на старушек, но и на милых ветеринарш.

Мы пришли домой и Галя быстро нашла себе угол, точнее, запрыгнула на кровать и стала рыть нору в одеяле и подушках, закапываясь по рыжие горчичного оттенка уши.

– Хорошо, я тебя не по улице вела, а в руках тащила, – незло бросила я охотнице на постельное белье.

В душе мне было жаль Галю, на которую выпал осадок всего, что произошло в хозяйской семье. И после ужина, сама не зная почему, я решила прогуляться до дома Ларисы вместе с Галей в надежде что-то исправить в нашей общей судьбе.

Я нашла адрес Ларисы в паспорте собаки, и мы отправились за черту города, туда, где располагались респектабельные дома, большие и красивые, с садами и огородами и гигантскими заборами, охраняющими всю эту красоту.

Еще было светло и приятно прогуляться по улице, которая скатывалась вниз к реке с живописными березками и скамеечками, на которых я хотела посидеть, посмотреть на воду и подумать о том, как поступить с собакой. И о своей судьбе немного.

Галя повиливала хвостиком, узнавая родные пенаты, как вдруг... из-за угла появилась фигура, точнее фигурка бабу-

ли, на которую, замерев, стала тарашиться такса. Я поняла, что это потерпевшая в деле, из-за которого на меня свалилась Галя.

Слава Богу, собака не залаяла и не бросилась на пожилую женщину и в самом деле премилейшего вида: с наведенными кудрями, еще теплыми после бигудей, на окрашенной в шоколадный цвет шевелюре, в такого же цвета пальто и туфлях. Женщина, посмотрев на меня, потом на таксу, поздоровалась и последовала дальше по своим делам. А меня стало разбирать любопытство, причем до самых до ребер, что могло не понравиться собаке, которая шесть лет жила мирно с социумом в социуме, а тут набросилась на ни в чем не повинную женщину?!

В целях безопасности мы не ринулись за старушкой, а наоборот свернули за угол, откуда появилась бабулька, и стали бесцельно бродить вдоль домов. Ни адреса, ни примет дома, где проживала эта с виду приличная жертва, не имелось. Но мною стало двигать жужжащее чувство любопытства, рождающееся в подмышках и живущее под коленками, что есть нечто недосказанное в этой «рыжей» истории с покушением.

Так ничего не словив, мы уже хотели отправиться домой к Ларисе и на коленях (я на коленях, такса на лапах) умолять забрать убийцу домой, если надо с вычетом откупа из моей зарплаты.

Но было уже темно, забор дома хозяйки был большой и черный, и почему-то очень не хотелось в него стучаться.

На следующий день я опять захватила Галю на работу, потому что оставлять охотницу и убийцу несвязанной по рукам и лапам в чисто прибранной квартире было себе дороже. Галя не унывала, как всякая домашняя тварь. Ей хотелось быть с человеком – одеяла и рваные подушки и обсиканные паласы могли подождать.

После второго совместного рабочего дня, уже без обеда, лишь пощелкав орешки в дороге, мы стремглав полетели к березкам в дачном поселке, точнее, встали за угол того дома, откуда еще вчера выходила потерпевшая в кудрях от бигудей, чтоб проследить, в каком доме она их накручивает. Если она вообще собиралась выходить в среду вечером...

Но бабулька не подвела и сегодня, в дневной еще час, накудрявленная, в своем шоколадном пальто пошла до ближайшего магазина или еще куда-то. Это видимо был ее моток, прогулка после обеда перед полдником.

Галя, даже глазом не моргнув, будто впервые видит свою жертву, отвернулась в сторону, когда та проходила мимо и опять преспокойненько поздоровалась с нами.

Как только коричневое пальто пропало из виду, мы зачем-то побежали к дому, где она жила, и бесцеремонно позвонили в дверь. На что я рассчитывала, сама не могла понять, но жужжание в подмышках перекинулось на коленки, потом на бедра, за ночь вскружило голову и теперь любопытством жужжало, скворчало из всех мест, желая удосто-

вериться, какая муха укусила Галю.

– Здрасьте, это ваша соседка... с собакой, с таксой, что укусила вашу... – промямлила я, глядя в лицо пожилого и, видимо, больного человека, медленно вышедшего на звонок в дверь.

– Надю что ль? А, это вы со своей шавкой? Ну заходите, – он дружелюбно указал рукой на дом.

– Да я, собственно, на одну минуточку... – разулыбалась я самой своей доброжелательной улыбкой от одного уха до другого, чувствуя, что больше похожа на Гуинплена¹. – Дело в том, – одной рукой придерживая Галю, другой я зачем-то схватилась за грудь, свою грудь, под которой билось сердце. – Я спать не могу, почти есть не могу, хочу понять, зачем моя собака укусила вашу жену, – я расхохоталась все тем же средневековым смехом из жизни Гуинплена. – Ведь на вид она совершенно безобидный человек. Хорошая милая женщина. Шла, никого не трогала, – передавала я материалы следствия над Галей.

Дядя как-то приуныл, слушая мои сердечные изыскания по поводу психологических воззрений «моей» собаки, числящейся вообще-то еще со вчерашнего дня мертвой.

– Да сука она, – просто ответил дядя. А мы так и стояли у него в калитке.

То, что Галя сука, – это было известно. Непонятно, как

¹ Герой исторического романа Виктора Гюго «Человек, который смеется».

это относилось к делу. Или он имел в виду, что сука Галя – форменная сука: мол, совсем дикая тварь женского пола.

Я замотала головой, как бы соглашаясь отчасти.

– Надя тот еще зверь, высосет кровь по капельке, как клещ, кувалдой не оторвешь. Ведьма в пятом поколении. Привороты знает. Всю жизнь меня какими-то травками подпаивала. Подруг отродясь не было. Мать родная и то от нее сбежала. Дети разъехались, домой золотом не приманишь. Сука и есть, – выдал мужчина беззлобно. – Алексей! – и тут же протянул большую сухую руку для знакомства.

– Майя, – слегка обалдело отвечала я, не зная, как реагировать на сказанное. – А как же вы с ней столько лет прожили?

– Сам не знаю. Как во сне. Главное, и по-доброму ее просил: давай разойдемся. И по плохому: пил-гулял. Нет, вцепилась в меня клещами. И вот доконала, что без нее обойтись не могу, – и указал на свое положение больной с палочкой. – А всем ходит поет песни жалостливые: «какая я бедная-несчастливая». Выбила субсидию, еще что-то там старается выбить... Вот с вас пять тысяч словила. Но ей деньги не нужны, ей, вампирше, соки жизненные, жалость, любопытство, поддержка нужны.

Я потупила взор на Галю, мужчина проследил за моим взглядом.

– А эта сука вторую суку почувствовала и справедливость хотела навести, да, тварь Божья? – негрубо, но требовательно

мужчина схватил Галю за ухо и потерял его в сухих руках. Собака молчала, Гале нравилась сила.

– Понятно, – сказала я и замолчала. Вопросы закончились.

– Да вы не расстраиваетесь, Надя несильно пострадала. Царапина обычная.

Я попрощалась и поблагодарила за мистический разговор, уверяя, что стану спать и есть после него.

Мы вернулись домой совсем задумчивыми, что я, что Галя, которая тут же побрела спать. Я долго смотрела в окно на большую круглую луну и размышляла.

Если это правда, что поведал Алексей, то животные действительно не безмозглые твари, а существа, чувствующие энергетику или сущность людей, которые легко маскируются под белых и пушистых. С другой стороны, почему Галя шесть лет не чувствовала других скрытых негодяев вокруг и не подавала позывы к восстановлению справедливости раньше? Вопрос все еще оставался открытым, хотя жужжание пропало.

А все-таки решения, что делать с этим маленьким теплым лимузином с поганим, но справедливым характером, – не появилось. Я пошла спать. И несколько дней подряд просто повторились. Я даже привыкла к своей длинной рыжей компании. Галя тоже особо не переживала из-за мамы Ларисы и мнимых оплаченных похорон: ела, кушала хорошо, ласти-

лась ко мне, как родная, поглядывала на мебель и обувь, но я не давала шанса раскрыться этой подлой натуре.

Как на пятый день в кабинет ворвался... (что за семейка, обязательно надо врываться!) ...муж Ларисы – Николай Алексеевич – с лицом, познавшим адское горе.

– Это капец! – начал он, не здороваясь. – Где могила? Или пепел? Хотя бы пепел дайте!

Я хотела поведать ему радостную новость, но он остановил меня бурным потоком предложений, некоторые из которых вырывались из цепочки причинно-следственных связей.

– Сыновья разъехались, а я... я долго ждал. Но она знала, что у меня есть. Договоренности не было, но она, да и все, знали про Наташу. А зачем я Лариске? Дома живу, деньги плачу, дом – ее царство. А секс с Наташкой. Все как бы почестному, – рассуждал Николай Алексеевич о своей интимной и семейной жизни сам с собой, иногда поглядывая на меня. – А тут сыновья разъехались, и она с катушек слетела. Сначала принялась меня откармливать, как свинью, все рецепты из интернета на мне поиспробовала, пятнадцать кг плюс, – он показал на пострадавший орган. – Потом давай с друзьями моими: то шашлыки, то рыбалка, то охота. И все с нами хочет за компанию! Да ей раньше на охоту начхать было, а тут купила себе костюм, боты, ружья только не хватало. Но это не все! – прервал он мои позывы к диалогу. – Такса, сука, укусила бабку. Моя таксу убила. А кто с ней спать те-

перь будет??? – вскричал Николай и хотел рвать на себе волосы, но был абсолютно лыс. – Я?

У меня в голове боролись две силы: рабочая мысль о том, что за дверью очередь из людей и животных, и это не самый лучший момент выслушивать постельные подробности между Николаем Алексеевичем, Ларисой и Галей.

Другая мысль экзистенциальная, опять жужжащая: все-таки кто должен спать с Ларисой?

На первый взгляд, имелось четыре претендента: муж, такса, Наташа и другие... Но я боялась предполагать.

История запутанная. Чувствую, опять обошлось не без бабули.

– Она от меня ребенка хочет! – побледнел Николай Алексеевич и схватился за сердце, только с правой стороны. – Сын-овья-то разъехались. Снохи голову воротят от особняка с пятью туалетами. А такса ей, как дочь, была. Она с ней и спала, и ела, и слушала ее бредни. А теперь кто? Вот она и стала подумывать о ребенке. Мол, не старые еще. Деньги есть, можем и искусственно. От других не хочу, говорит. Чтоб дети все братьями и сестрами росли. Только от тебя. Короче, я чуть не рехнулся, – он почесал глаза большими кулачищами, видимо, чтоб они лучше видели мое ошарашенное лицо. – Мы с ней пятнадцать лет не спали, она меня сама вытолкнула в другую комнату. А тут видите ли ребенка хочу от тебя?!

Как? – он показал на себя, но я не поняла, что он имел в виду: слишком старый или слишком бравый? – Короче, где могилка собачки? Не знаю, хоть свожу ее туда, может, одумается, другую шавку возьмет. Вместо ребенка.

Все! Он выдохся и плюхнулся в кресло. Видок у Николая Алексеевича был, мягко говоря, предынсультный. Я решила дать ему пять-десять минут отдышаться, и если краснота и одутловатость не пройдут, звонить в скорую.

Воспользовавшись паузой, подала голос Галя из клетки со вкусняшками. Николай Алексеевич ей чуть уши не проглотил во время поцелуев, меня дочкой и красавицей называл. Я объяснила ситуацию, что не могла убить животное, которое на то и животное, что может кусаться. Он предложил денег.

– Николай Алексеевич, только вам надо какой-то план составить. Ведь Лариса может и не принять собачку, она ее своим поступком тронула до глубины души, – не могла объяснить я, боясь, что план провалится и Галя вернется ко мне, возможно с Николаем Алексеевичем, Наташей и другими членами семьи.

– Она мне секс втроем с Наташей предлагала, понимаешь? Соки из меня хочет все повысасывать своими фантазиями, убить морально, оставить живым инвалидом без души. Ну какой мне с ней секс? – стал краснеть несчастный муж и любовник, намекая на зрелый возраст жены и молодой свой, или свой зрелый и ее... тогда какой?

– Поэтому вы, когда домой вернетесь, так и скажите: мол, вот собака, чудом спасшаяся, но давай все, как раньше. Все, как раньше! Запомните, пожалуйста. И еще, – я усадила его в кресло вместе с Галей под мышкой и рассказала историю о недавней прогулке до дома потерпевшей бабули и разговоре с ее мужем.

Николай Алексеевич стал бледнеть. Я не понимала причины.

– Что не так? – спросила я.

– Вот сука... – прошептал мужчина и уставился на собаку. – Суки.

– Что такое? – заволновалась я, цвет лица хозяина Гали зеленел.

– Это ж я ей на день рождения собаку подарил. На рынок пошел выбирать. И уж больно мне такса маленькая Лариску в молодости напомнила. Вылитая! Мелкая, визгливая, как Пятачок. Так она ее в первый же день кусать стала, пока маленькая – так пригрызнет, а чем старше – тем больнее. Это мы потом ее кинологу отдали – он отучил. А малышка чувствовала, что сосут из меня соки. Сосут-высасывают. – Он внимательно всмотрелся в собаку. – А однажды в Египет умахнули со всеми ребятами, я Наташке таксу подбросил, так эта дура, – он указал на собачку, – ту чуть не загрызла, пришлось возвращать матери Лариски. Они меня все сосут, да? – он прижал маленькое продолговатое существо к своему большому и сейчас очень несчастному от прозрения те-

лу. – Трубочки мне в горб воткнули и сосут, как томатный сок. – Он откинулся в кресле и зарыдал, как недавно это делала Лариса. Все-таки муж и жена – одна сатана.

Я не знала, как остановить этот мистическо-таксичный бред. Слава Богу, жертва вампиризма вполне такая упитанная и даже накачанная, выглядела хоть и трагично, но вполне здорово. Краснота и зеленушность сошли.

– Сосед наш Алексей, у него четвертая стадия, – объяснил Николай, когда истерика прошла, – а жена у него точно ведьма! Они недавно переехали, потому мы не знали, что к чему. А Галя наша знала, – он вытер большой рукой лицо, встал и опять предложил денег. А так как я отказалась, просто поцеловал меня в щеку в благодарность за спасенную собаку и в ее лице свою жизнь, и пошел походкой комиссара Красной армии разгонять и ликвидировать мятеж и раздрай в семье. Я боялась подумать, чем закончилась история с Галей, и ждала Ларису со страхом.

Через две недели, когда страсти улеглись, Лариса и Галя, тихо-мирно дождавшись своей очереди, зашли в кабинет. Лариса – Винни Пух протянула мне Галю – на вид здоровую и цветущую с милым намордником в стразах.

– Мы с мужем усыновляем девочку из детского дома, – сказала Лариса с совершенно ангельским видом, и я поняла, что Галю мне протянули для поцелуя. – Сыновья-то разъехались, а материнские чувства еще бурлят. Мы ж еще не

старые с Колей, – Лариса – Винни Пух была олицетворением материнства в этот момент, а мне сложно было представить Николая Алексеевича – Пятачка, оставшегося на хозяйстве с отдушиной в лице какой-то Наташи, которой, видимо, не суждено дожидаться развода любимого.

Но все это было неважно. В чужой голове, как и семье, можно ногу, а то и голову свернуть в поисках «кто, кому, зачем и почему». Моей же задачей как ветеринара было сохранить здоровье и жизнь этой конкретной собаке, которая на поверку оказалась потрясающим психологом и другом. По крайней мере, те несколько дней, что мы провели вместе, для меня оказались вполне душевными и насыщенными приключениями.

А семью Ларисы в лице всех родственников, включая Гаю, теперь ждали еще большие зигзаги, повороты и происшествия.

Я улыбнулась, а потом рассмеялась, и мне показалось, что Галя меня поддержала, по крайней мере, в хитрых глазах зажегся огонек тех самых зигзагов и происшествий. И это правильно. Это и есть жизнь! Без зигзагов и поворотов она была б слишком простой и скучной.